

И. В. Палашевская

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС

Судебный дискурс – тип статусно-ориентированного, институционального общения; коммуникативная практика решения правовых споров судом, определяемая специфичным набором ролей и событий, особыми нормами взаимодействия в особых контекстуальных границах времени и места (по В. И. Карасику, 2004).

Конститутивные признаки судебного дискурса имеют функциональный характер и являются следующими: а) регулятивный, определяемый институциональной природой права; б) перформативный (фактообразующий), выраженный в институциональной коммуникативной практике. Взаимосвязь данных признаков отражает базовую для юридического дискурса в целом дихотомию *норма – факт*. Выделяемые признаки совмещаются в *сюжетно-фабульном*, представляющим собой вербальное воплощение типового сценария юридически релевантного события в изложении его участников и/или наблюдателей. Регулятивные единицы задают референциальный аспект судебных споров (сюжеты дел, подлежащих судебному рассмотрению), а также сюжеты коммуникативных событий в институциональной реальности (судебные процедуры), перформативные – претворяют эти сюжеты в фабулах сценического взаимодействия.

Судебный дискурс развёртывается как наблюдаемое драматическое событие, имеющее ценностно-символическое измерение, характеризующееся коммуникативной неоднородностью, предписываемой процессуальными нормами и обычкновениями практики стереотипностью, затрагивающей национальную ментальность. Аксиологические основания судебного дискурса представляют собой систему регулятивных концептов (*истина, справедливость, законность*), выступающих одновременно критериями качества судебных решений; аксиом и принципов права, объясняющих выбор того или иного легитимного действия и обуславливающих специфику построения скриптов коммуникативного по-

ведения – слияние и размежевание функций участников (защита, обвинение, решение спора), стратегий отбора аргументативных ходов и риторических средств, способов дискурсивного производства судебных фактов и пределов судебного усмотрения. В различных культурах и различные времена судебный процесс предстаёт на концептуальном уровне как *ритуал осуждения, игра легитимных сил* или, например, как *раскрытие истины* [Гарапон, 2004]. Данные представления выражаются в концептуальных противопоставлениях типа *истина – правдоподобность, установленная справедливость – договорная справедливость, предварительное следствие – признание – тайна и судебное заседание – состязательность – правила допустимости доказательств, права личности, иммунитет от самообвинения, равенство средств нападения и защиты, наличие независимого арбитра*. Дискурсивные практики выражают ценностное сознание институциональной общности и влияют на него. Так ценностная доминанта «признание» обуславливает существование подтекстных оценочных презумпций, признаваемых в качестве самоочевидных истин: *Обвиняемый, как правило, виновен; Невинный оговаривать себя не станет; Обвиняемый при признании говорит правду, а при отрицании заведомо лжёт; Если обвиняемый не может предоставить оправдывающие его доказательства – значит, их нет; Следствие не ошибается* и т. п. Логика такого рода суждений активизирует практики предварительных заключений, способы избегания вынесения оправдательных приговоров, стабильность назначения наказаний. Ментальные модели должного участия в дискурсе находят свою экспликацию уже на уровне символической расстановки фигур в «мизансценах», обуславливающей траектории и модальность коммуникативных связей, в судебном церемониале – презентационной стороне дискурса. Современный судебный дискурс в демократических странах стремится к нейтрализации давления на субъекта, что прослеживается отчасти

в негативном отношении к выделению подзоны для подсудимых заградительной решёткой. В этом способе локализации усматривается средневековый атрибут «позорного отличия», который заранее обозначает подсудимого как негативного персонажа разыгрываемой «драмы». Сегодня во многих странах предпочтение отдаётся менее заметным способам заключения под стражу в зале суда, а противостояние сторон подчиняется дискурсивным правилам формирования судебной истины. Это выражается в ограничениях перекрёстного допроса, передопроса, правила формулирования и постановки вопросов, степени допустимости наводящих вопросов и проч. возможностях представления и исследования доказательств, а также в изгнании из суда всякого намёка на состязания в хуле, введение запрета на использование дискриминационных дискурсивных практик. В способах рассмотрения судебных дел, характере доказательств и средствах их получения заложены фундаментальные принципы построения взаимоотношений государства и личности. Судебный дискурс – это коллективно разделяемая практика утверждения пределов свободы личности.

Степень свободы участника дискурса измеряется возможностью влиять на ход его развития. Судебный дискурс может быть более или менее вероятностным. В случае детерминированного общения, единицы дискурса взаимодействуют точно известным образом, ведя к заранее известному исходу (ритуалы осуждения или оправдания). На первый план здесь выступает не установление судебного факта, а перформансная практика его становления, демонстрация действия, которая обладает мощной перформативной силой влияния на социальный контекст. Напротив, менее вероятностный дискурс имеет проблемную природу, направлен на достижение определённости по поводу возможного отношения между его участниками – в уголовном процессе между подсудимым и потерпевшим. Решение этого вопроса порождает разнообразные последствия для вовлечённых в дискурс лиц. Проблемный дискурс не допускает однозначного детерминизма, любое судебное дело заранее предполагает

несколько вариантов решения. Принимая состязательную (агональную) форму, проблемный дискурс характеризуется противоположными интересами его участников и основан на выборе субъекта своего поведения в будущем, предусматривая ряд направлений переходов из одних состояний в другие. В основе этого выбора лежат оценки ситуаций и способов действий, обусловленных нормами и конечной целью участия в дискурсе. В качестве основной структурной единицы судебного дискурса, с данных позиций, выступает комплексное воплощение институционально обусловленной интенции – юридически релевантный коммуникативный поступок, позволяющий реализовать законные интересы его исполнителя. Степень свободы участника дискурса проявляется в синтаксисе его юридически релевантных интенций, реализованных в ходе процесса. Условием релевантности коммуникативного поступка выступает его ситуативная и статусная обусловленность, а также должное жанровое воплощение. Речевой жанр как тип высказывания – модельный проект, сюжет коммуникативного поступка. Он принадлежит уровню должного, выполняет регулятивную функцию дискурса, в то время как коммуникативный поступок – уровню реализации этого проекта в жизненных обстоятельствах – конкретной ситуации дискурса, выполняет перформативную функцию дискурса. Интенциональная составляющая коммуникативного поступка заключается в речеактовой основе соответствующего ему речевого жанра.

При анализе жанров судебного дискурса можно выделить ряд присущих им характеристик. 1. Соразмерность жанров – выделение *простых жанров*, которые объединяются в жанровые макроструктуры (по принципу часть-целое), образуя *сложные жанры* – цепочки взаимообусловленных речевых событий. 3. Взаимозависимость жанровой формы и сценарной организации дискурса. Так, следственный порядок производства по уголовным делам предполагает следственную форму обвинения, состязательный – исковую. Сама специфика процедуры выражена в присущих ей жанрах, реализацию которых она призвана обеспечивать. 4. Существование центральных и периферийных образований в жанровом пространстве

дискурса и смена этих позиций в ходе истории. Так, для средневековой инквизиционной процедуры уголовного судопроизводства (*inquisitio*) центральным жанром выступает «признание обвиняемого» (*confessio*), без которого приговор не может быть вынесен. Для получения признания вводится процедура пытки его провоцирующая – «игра со строгими правилами», «состяжание» между следователем, распорядившемся о пытке, и подозреваемым [Фуко 1999, с. 61–63]. В следственном процессе жанр «судебное заседание» занимает периферийную позицию как логичное завершение следствия, и, напротив, в состязательном процессе – центральное и независимое место. 5. Можно выделить привязанные к определённым стадиям судопроизводства формы («исковое заявление», «заявление о преступлении», «постановление о возбуждении уголовного дела», «обвинительное заключение», «приговор», «кассационное определение суда» и т. п.) и формы, используемые на протяжении процесса (ходатайства, жалобы). 6. Изменчивость, замена, исчезновение жанров в процессе исторического развития дискурса. Суть нового может быть в новом использовании старого (например, *свод – очная ставка*). Каждая эпоха выдвигает те или иные формы и забывает другие. Жанр выражает особенности времени, в котором он используется. При сохранении своей структуры, он может менять свою стилистику. 7. Возможность трансформации речевых жанров, смещении признаков разных жанровых форм, использовании одной формы в качестве средства для реализации другой.

Ритуал судопроизводства (судебная процедура) выступает своего рода сцепкой коммуникативных поступков участвующих в дискурсе лиц. Он встраивает их в общую сценарную канву взаимодействия, легитимируя возможность их актуализации в зависимости от ситуативных, статусных, интенциональных, ценностно-

нормативных факторов. Сценарная канва, получает вариативную реализацию в фабуле «сценического действия», благодаря совершенным и несовершенным коммуникативным поступкам лица и поступкам других лиц, совершенных в отношении него, которые вместе образуют историю его участия в дискурсе.

Особенностью судебного дискурса является форма сценической драмы и принцип нарративной организации. Он соединяет в себе настоящее и прошлое, сочетая признаки сценической игры и ретросказания. Поэтому, судебный дискурс – это история людей, которые задействованы в процессе (подсудимые, свидетели, потерпевшие...), история взаимоотношений людей, которые рассказывают истории о том, что произошло, доказывая свою правоту (см. ст. «судебный нарратив»).

Литература:

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – С. 159–206.
2. Гарапон, А. Хранитель обещаний: суд и демократия / А. Гарапон. – М.: NOTA BENE Media Trade Co., 2004. – 328 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
5. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
6. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
7. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с фр. / М. Фуко; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
8. Austin, J.L. Philosophical Papers / J. Austin. – Oxford: Oxford University Press Inc, 1961. – 248 p.
9. Schechner, R. Performance Theory. / R. Schechner. – L.: Routledge, 2003. – 407 p.
10. Wagner, A., Cheng, L. Exploring courtroom discourse: the language of power and control / A. Wagner, L. Cheng. – Burlington, USA: Ashgate Publishing company, 2011. – 267 p.

СУДЕБНЫЙ НАРРАТИВ

Судебный нарратив – способ дискурсивной практики в судопроизводстве по формированию знания о юридически значимом событии. Событие в судебном дискурсе рассматривается

как релевантное с позиции норм права изменение некоторого состояния действительности, вызванное определённым (без) действием субъекта. Средством анализа события высту-

пают факты, т. е. высказывания о состояниях действительности, которые претерпели изменения в результате определённого (без) действия субъекта и которые в силу норм права имеют юридическое значение. Эти высказывания, представленные как категоричные утверждения, составляют нарративную экспликацию события в текстах судебного дискурса и представляют потенциально значимую для правоприменителя характеристику произошедшего.

Судебный дискурс может быть описан с помощью схемы, включающей следующие компоненты: а) референтный (событие в его реальном развертывании), б) модельный (обобщение повторяющихся фактических случаев), в) нарративный (изложение события с позиций одного из участников / наблюдателей). Референтное событие – то, что познаётся человеком непосредственно при соприкосновении с действительностью. В процессе расследования преступления оно заявляет о себе через ряд разнообразных семиотических типов презентем [термин А.В. Олянич, 2007] – *сцентральные, густальные, аретфактные* или *вещественные, тактильные, графемы, поведенческие* и т. п. – своего рода ключей к построению модели произошедшего. Текст события структурируется за счёт перехода от знаков-презентем события преступления («следов») до связанной последовательности действий его участников: *знаки – действия – событие – презентация события (факты)*.

На этапе расследования преступления явления действительности («следы») приобретают языковую форму. Реальность «именуется» – становится языковым фактом (протокол осмотра места происшествия). Произведённые дискурсом предварительного расследования языковые факты затем наделяются смысловыми взаимосвязями и включаются в систему средств убеждения в правдивости той или иной версии-модели произошедшего [Александров, 2003].

Модельное событие выявляется путём аналитического обобщения повторяющихся признаков различных фактических случаев и подведения их под схемы-инварианты, служащие в дальнейшем для интерпретации новых случаев. Если референтное событие – то, что произошло в действительности, то модельное

событие – то, что должно было произойти, нарративное событие – то, как об этом рассказали. Нарративное событие принадлежит дискурсо-процессуальному уровню и строится, с одной стороны, в соответствии с процессуальными правилами, вписывающими нарратацию в дискурс судопроизводства, с другой – с моделью референтного события, которое в нём излагается. Триада референтное событие – модельное – нарративное является необходимым условием осмысленности повествования в дискурсе судопроизводства. Три события связаны между собой отношением последовательной интеграции: референтное событие обретает смысл лишь постольку, поскольку существует возможность его интерпретации посредством модельного, в соответствии с которым осуществляется связывание фактов в определённую конфигурацию в событии рассказывания.

Нарративная организация судебного дискурса может быть представлена как состоящая из единиц трёх уровней: правовой сюжет (генерализованное представление о юридическом событии) – судебная фабула (изложение события с позиции одной из сторон) – текст участников судебного дискурса (протокол, приговор, жалоба, ходатайство, представление). В состязательном судопроизводстве, борьба сторон разворачивается за тот или иной сюжет (модельное событие), сосредоточиваясь на фактуальной стороне дела – знаниях о произошедшем (референтном событии), и обосновании соответствия постулируемого стороной факта с юридическим контекстом его интерпретационной модели в событии рассказывания. Агенты судебного дискурса рассматривают произошедшее как вариации юридических сюжетов, в силу чего языковая презентация события неизбежно отражает соотношение фактических и юридических оснований.

Повествование выполняет связывающую, конструирующую функцию по отношению к событию, собирая его отдельные элементы посредством смысловых синтагматических связей. Юридические словесные обозначения события – *мошеничество, убийство, похищение*, называемые Р. Бартом [2000] «крупными функциями сюжета», относящимися к «коду повествования», представляют собой понятия-